

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (2892)

Вторник, 12 февраля 1952 г.

Цена 40 коп.

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Слово о Гоголе

Семен БАБАЕВСКИЙ

Николай Васильевич Гоголь — талант большой и исключительно русский. Такой самобытный писатель мог родиться только на русской земле и только под русским солнцем. Оттого-то и дорог нам Гоголь и как родоначальник классической русской прозы, на образцах которой учится не одно поколение писателей, и как человек с изумительно русской душой. В его душе, простой и открытой, соединилось все лучшее, что веками собиралось и хранилось русскими людьми: тут и широкая натура художника и его необычная любовь к России, к жизни народа со всеми его горестями и радостями; тут и рожденный Гоголем строй речи, звонкий и певучий, как раздолбая русская песня; тут и гоголевская музыка слов, такая свежая и такая знакомая нашему слуху, что ее узнаешь повсюду; тут и пылливый, строгий ум человека, который не любит жить без цели и без пользы; тут, наконец, неповторимый гоголевский смех — то сердечный и мягкий, то колючий и горький. И оттого, что Гоголь был писателем совершенно русским, поэзия и жизнь у него неразлучны. Всюду, где есть жизнь, есть то, что волнует и радует писателя. В лучах гоголевского таланта любой предмет, любое лицо или обыденная вещь предстают перед читателем в таком повороте и в таком ярком освещении, в каком до Гоголя их никто не замечал и не видел.

Такое «поэтическое излучение» живет в книгах Гоголя и в наши дни, оттого и любовь народа к своему поэту и через сто лет не только не померкла, а стала еще более живой и близкой. Все это лишний раз подтверждает, что Гоголь не был равнодушен к тому, о чем говорил и что показывал; что горе Акакия Акакиевича было и его горем; что врожденная тушесть Коробочки или дикая грубость Ноздрева были ему до слез ненавистны; что ссора двух миргородских соседей или умиленно-скупная, покрытая пылью жизнь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны волновали его доброе, ко всему отзывчивое сердце. Ему хотелось видеть своих соотечественников не такими, какими их сделали условия жизни крепостного строя. Но как и что сделать для того, чтобы изменились и жизнь и люди, великий поэт не знал, и он то плакал вместе со своими героями, то смеялся над ними, то радовался, то негодовал.

Свидетельством тому, что это так, служат произведения Гоголя. Откройте поому «Мертвые души» и читайте страницу за страницей. Сколько в этой поэме авторского волнения! Неизвестный нам господин появляется в городе, и двое зевак, провожая пылливом взглядом незнакомую бричку, обеспокоены тем, доедет ли колесо до Москвы или не доедет. Это написано так просто, убедительно и так правдоподобно, что уже тут, на первой странице книги, мы видим самого автора, который хорошо знал многие губернские города и те брички, на которых ездили одинокие путешественники, знал и любознательных мужиков, и ростинный двор, и многое другое из обыденной жизни тогдашней России.

Писатель постоянно находится рядом со своими героями и помогает им делать то, что в их характере, то, что они делают в жизни. Тут от всевидящего глаза художника ничто не скроется, и всякая даже маловажная деталь, какое-либо ружье Ивана Никифоровича или пристяжной конь так и заиграют. Если слуга, к примеру, внес в комнату гостиницы пожитки Чичикова, то надо показать, какие это пожитки: что они редко бывают дома и изрядно поистеркались, а особенно тот, с потертым боком чемодан, который чаще всего бывал в дороге. Если же Чичиков обедает, то и тут ничего не следует упускать: надо показать, как это делает не вообще заезжий, а именно такой человек, как Чичиков, показать, и что он ест и о чем говорит с трактирным слугой. Если же Чичиков осматривает город, то — как это делает не вообще какой-нибудь гуляка, а Чичиков, и что именно бросается ему в глаза. Если же Чичиков готовится идти на вечеринку, то — как он умывается, как утирается полотенцем и как фыркает в лицо слуге, как затем прихорашивается перед зеркалом и как сидит на нем фрак «брусничного цвета с искрой». Одеть Чичикова во фрак — замечать, не черный, не серый и не какой-нибудь там темнозеленый, а именно брусничного цвета да еще

и с искрой, — такая исключительно важная деталь для характеристики Чичикова может притти на ум лишь тому чуткому художнику, для которого вовсе не безразлично, какого цвета фрак у его героя. «Брусничного цвета с искрой», — тут уже ничего лучшего для Чичикова и придумать нельзя.

Только Гоголь и умел так неустанно заботиться об одежде своих героев и так пристально вглядываться в удивительно яркие, не всякому видимые детали. Коробочка в «каком-то спальном чепце, надетом наскоро». У Ивана Ивановича отличнейшая бекеша. «А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом!» Сколько тут света и ярких красок. «Описать нельзя: бархат! серебро! огонь!» И поставьте, для сравнения, рядом с Иваном Ивановичем с его искрающейся бекешей Собакевича, похожего «на средней величины медведя». И тут же — чисто гоголевский прием для усиления этого сходства: «фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, штаны длинные, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги». Кажется, этого достаточно. Но Гоголь, как бы боясь, что мы еще не видим Собакевича похожим на «средней величины медведя», сквозь смех говорит: «Стол, креслы, стулья — все было самого тяжелого и бесполого свойства, словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!».

Или внешний портрет Плюшкина. Лицо у него было мало чем примечательно, это не то, что лицо Собакевича или Ноздрева, и поэтому в нем Гоголь увидел лишь одну деталь, но такую весьма важную для характеристики заплесневелого в жадности помещика, что увидеть ее может только очень наблюдательный художник. Эта деталь — подбородок Плюшкина, который очень далеко выступал вперед и что его надо было всякий раз закрывать платком, чтобы не заплевывать. Гораздо замечательнее была у Плюшкина одежда, и писатель, находясь тут же и не жалея красок, описывает плюшкинский наряд с такой саркастической издевкой, с какой это может сделать опять же один только Гоголь. Вот оно, это место: «никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назад вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук».

Да, так мог живописать только великий Гоголь. И хотя уже нет ни той Руси, в которой жил Гоголь, ни Плюшкиных и Собакевичей, ни Чичиковых и Хлестаковых, — эта порода людей в нашей стране исчезла, как исчезает сорная трава на хорошо возделанном поле; и хотя уже нет того Миргорода, на площади которого у всех горожан на виду красовалась опрочная лужа, — в Лету кануло то время, когда поэт, вволю насмеявшись над изурядительно-ничкемной тязбой двух Иванов, тоскливо склонил голову и сказал, глотая горькие слезы: «Случно на этом свете, господа!»; и хотя Россия теперь не та, какой ее знал и любил Гоголь, и русские люди стали другими, — под сталинским солнцем родились новые герои и новые песни, а Гоголь, славный певец России, стал всем нам еще милее, еще краше. Сквозь столетие пришел он к советским людям как писатель, родной и близкий.

Так в чем же его неумиряющая сила? Что же в нем есть такое драгоценное, что навеки породило его с народом, что поставило его в первые ряды нашей отечественной культуры и нашей отечественной литературы? Мне думается, и сила его и его драгоценные качества состоят в том, что так же, как от Пушкина берет свое начало быстрая и шумная река нашей отечественной поэзии с ее многочисленными и бурными притоками — от Лермонтова, Некрасова, Никитина, вплоть до Маяковского, так от Гоголя начинаются истоки многоводной реки русской прозы, в кото-

рую вливались такие могучие притоки, как проза Толстого, Тургенева, Горького и в которую продолжает вливаться вешними водами наша молодая советская литература.

Вдвойне же дорог и близок Гоголь нам, советским литераторам, дорог и близок хотя бы уже по одному тому, что в тех книгах его, которые, как учебники, постоянно лежат на наших столах, и через сто лет сохранилась нестаряющаяся новизна большого поэта, именно такая новизна, у которой всегда и есть чему поучиться и есть что с пользой перенять; нам он дорог и близок своей постоянной заботой об истинной красоте человека — эту истинную красоту поэт искал всю свою недолгую, но трудную жизнь. Это его драгоценное качество теперь перешло к нам по наследству, и мы, приняв его из рук Гоголя, несем, как эстафету; нам дорог и близок он своим сочным, мягким и гибким языком, своей манерой письма, всем своим строем речи, дорог тем, что может на тысячах примеров показать, как нужно пользоваться народной речью, всем богатством народного языка.

Мы любим его широко развернутую фразу, в которой собрано столько мыслей и столько по-человечески хороших чувств, что эту фразу можно сравнить с широкоугольным объективом, вбирающим в себя уйм света. Мы любим Гоголя за те многочисленные, воистину поэтические отступления, которые есть не что иное, как песни, вылившиеся из сердца поэта. Кто, кроме Гоголя, мог более чем за сто лет вперед увидеть будущее России и сказать о ней: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?.. Чудным званием заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Своим прозорливым глазом поэт видел прекрасное будущее своей Родины, какие-то черты наших дней, видел и боялся, спрашивая с тревогой на сердце: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ». Русь молчала, не давала ответа. Так поэт и не узнал, куда же тройкой-птицей несется Россия с ее народом-богатырем, но мы благодарны ему и за то, что он верил в великую творческую силу и могущество своего народа, когда этот народ изнывал под гнетом рабского строя помещиков-крепостников.

Гоголь — писатель в высшей степени народный. В его произведениях «совершенная истина жизни», как говорил Белинский, так удачно и так естественно сплелась и соединилась с брызжащей фантазией, с поэтическим вымыслом, идущим от народной мудрости, что написанное одинаково волнует всех людей. Мы же знаем из истории, сколько веселья принесли гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» наборщикам, которые готовили рассказы к печати и были, таким образом, первыми читателями Гоголя.

Зная обо всем этом, мы рады, что все, чем богат и чем велик Гоголь, не осталось с ним, а перешло теперь к нам навечно, и мы вправе сказать, что новая реалистическая школа Гоголя, великое значение которой первым разгадал Белинский, живет и поныне; что традиции ее творчества развиты и обогащены советской литературой; что она не только живет, а так же, как и прежде, набирает себе учеников из людей одаренных, что двери ее широко раскрыты для талантливой советской молодежи. И мы с гордостью можем сказать: советские литераторы — законные приемники гоголевского наследства, — совсем нетрудно увидеть напе с ним кровное родство! Как в лесу рядом с вековым ветвистым дубом поднялись от его живительных корней и зеленуют под солнцем молодые, свежие дубки, так и рядом с бессмертными творениями Гоголя вырастают таланты всех национальностей, близость которых к Гоголю можно легко увидеть и по горячей любви к своей Родине и к своему народу, и по отношению к жизни, и даже по манере письма, слогу, по интонации их писательского голоса.

В дни юбилея мы радуемся тому, что у нас есть Гоголь, что великий волшебник слова — наш, и мы с любовью и говорим о нем и учимся у него, ибо он по праву был и остался самым первым и одним из самых великих мастеров поэтической русской прозы.